

ГУРКО Т.А.

СОЦИОПОЛОВОЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Изучение социального неравенства, социальных классов и статусов переходного периода в России сама по себе довольно сложная задача. Концептуальные подходы пока не полностью оформились, также как и сами социальные классы или страты. Объективные критерии (зарплата, доход, владение собственностью) при изучении методом опроса практически не репрезентативны. Символические клише типа "элита", "новые русские", "предприниматели", представители "среднего класса" малопригодны для самоотнесения респондентов из-за их культурной смысловой неопределенности, что было достаточно убедительно показано в ряде работ [13, с. 430; 14]. Проблема субъективного соотнесения дополняется еще одной немаловажной деталью. Как определять социальных класс или статус (здесь эти термины упоминаются как синонимы, об их различном содержании см. [8, с. 36]) как семейный показатель или как индивидуальный? Причем в обоих случаях возникает ряд вопросов, постановка которых стимулирована феминистки ориентированными учеными. Если отправной точкой считать *семью (домохозяйство)*, то всегда ли статус мужа должен быть определяющим? Если статус определять как *индивидуальную* переменную, то должны ли жены (мужья) ориентироваться только на свой собственный статус, либо они могут ориентироваться (и в реальности учитывают) на статус того супруга, у кого он, например, выше. Например, так называемая гипотеза асимметрии предполагает справедливость последнего утверждения.

В западных социологических работах социальный класс, политические ориентации и т.д. замужней женщины часто определялись исходя из статуса мужа (как это было принято в большинстве обществ, где была жесткая дифференциация социополовых ролей). В советской и западной социологии в связи с увеличением удельного веса работающих жен, сознательно одиноких женщин и материнских семей статусную позицию женщин ученые стали определять их личными социальными достижениями (см. напр. постановку вопроса в рамках социологии семьи 5, С. 53; 17, С. 63). В то же время было установлено, что многие жены сами продолжали оценивать свою классовую позицию в зависимости от профессионального статуса супруга (см. подробнее [16]).

*Работа выполнена при поддержке Московского общественного научного фонда.

Представляется, что в сегодняшних условиях социальной трансформации в России имеет смысл учитывать это обстоятельство, иначе интерпретация динамики социального положения мужчин и женщин выглядит однобокой. Становления рынка в условиях недомодернизированной экономики в России протекает весьма специфично. С одной стороны, престиж неработающей жены становится высоким среди различных слоев населения. Массовые опросы, проводимые с начала 1990-х (в том числе и автором статьи) в различных регионах России показывали, что высок удельный вес женщин, ориентированных на частичную занятость, либо на преимущественное выполнение семейных обязанностей. Этот факт кажется парадоксальным на фоне увеличения числа работающих женщин на Западе, а также при учете того обстоятельства, что реализовать такую модель распределения супружеских ролей удастся незначительному числу желающих. Более того, среди значительного числа супружеских пар именно у жен, а не у мужей наблюдается восходящая социальная мобильность, либо жены зарабатывают намного больше мужей. Поэтому не совсем ясно как себя идентифицируют в смысле статусной (а не профессиональной) принадлежности неработающие или частично занятые жены, а также мужья, чей статус значительно ниже, чем у жены, или те, кто полностью находится на иждивении жены. Например, одно из сравнительных исследований стран Запада и бывшего "социалистического лагеря" выявило, что, несмотря на растущую занятость женщин на Западе и влияние феминистских движений, многие замужние женщины определяют свой статус исходя из статуса мужа. Хотя в большинстве бывших социалистических стран женщины в начале 1990-х ориентировались преимущественно на собственную позицию (Россия в этом исследовании была исключена из анализа из-за незначительного числа респондентов, определивших свою "классовую идентичность") [16, с. 13]. По крайней мере, при интерпретации субъективных оценок необходимо учитывать этот методологический нюанс, чего практически не наблюдается в литературе по социальной стратификации. Результатом, является противоречивость данных о мужской и женской части населения: например, если одни авторы делают вывод о большей активности мужчин в продвижении по социальной лестнице и поиске высокооплачиваемой работы [см. 15], другие считают, что именно женщины больше стремятся к повышению социального статуса [4, с. 65].

В данной статье будет сделана попытка проанализировать социополовой аспект социального расслоения, в частности, на основе вторичного анализа. Кроме того, изучена специфика в индивидуальных социо-профессиональных статусах женщин и мужчин,

половозрастных особенностей субъективного восприятия своего места в социальной иерархии трансформирующегося российского общества.

Для того чтобы хотя бы частично ответить на поставленные вопросы были проанализированы опубликованные данные социологических исследований и работы в области занятости. Изучение данной литературы обнаруживает значительный интерес в исследовании "крайних" групп социальной пирамиды, т.е. либо безработных, либо политической и экономической "элиты", а при изучении "основной" части населения незначительное внимание к социополовым особенностям [11, 12, 13].

Анализ данных о безработице свидетельствует, что клише о преимущественно женской безработице не столь однозначно. Публикуемые статистические данные о безработных по полу отражают численность зарегистрированных в службах занятости. Но, как показывает специальный анализ, даже этот показатель существенно варьирует в разных регионах, и определяется, в частности, конкурентоспособностью ведущих отраслей по принципу "мужских" или "женских". Еще меньше различий, когда речь идет о незарегистрированных безработных, "скрытых" - находящихся в вынужденных неоплачиваемых отпусках или вынужденно занятых неполное рабочее время, уволенных [9, с. 57]. Так, в исследовании среди "молодых взрослых" (26-28 лет) было установлено, что доля безработных среди мужчин в два раза выше, чем у женщин [13, с. 325]. Чаще всего опасения высказывают женщины пред-пенсионного возраста с высшим образованием, мужчины этой же группы чаще готовы сменить условия труда ради более высоких заработков. В регионах с напряженным рынком труда значительную долю безработных составляют мужчины, уволенные за нарушение трудовой дисциплины, освобожденные из исправительных учреждений, уволенные из вооруженных сил [9]. В качестве причин большего удельного веса регистрируемых в центрах занятости безработных женщин отмечается возможность для некоторых из них воспитывать дома детей-дошкольников (особенно тех, которые по разным причинам не могут посещать детские учреждения) и школьников младшего возраста одновременно сохраняя непрерывный трудовой стаж. Мужчин, вероятно, меньше волнуют вопросы получения пенсии, культурные стереотипы маскулинности не позволяют мужчинам признать факт собственного бессилия и соответственно статус безработного [7]. В числе других факторов: этно-региональная специфика распределения социополовых ролей, дискриминация "инонациональных" граждан, личностные особенности, например, мужчины часто теряют конкурентоспособность из-за пьянства и нарушения трудовой дисциплины, женщины же считаются более добросовестными.

В последние годы в опубликованных статистических данных мало отражался социополовой разрез. Впервые наиболее полная информация была представлена в специальном статистическом сборнике. Но новые данные сложно сравнить с прежними советскими показателями и таким образом проследить тенденции. Очевидно лишь, что незначительно число женщин в структуре высших органов законодательной и исполнительной власти, в руководстве ведущих партий. Общий показатель работающих женщин сократился незначительно, причем преимущественно в кредитовании, страховании, в жилищно-коммунальном хозяйстве и торговле [10, с. 232].

Определенное число социологических исследований посвящены либо изучению элиты [13, 14] (специально женской элиты [1, 6]) или предпринимательству (причем "наполнение" этих терминов у разных авторов различно), специфике "женского" управления. Результаты таких работ не всегда репрезентативны и мало сопоставимы. Поэтому судить о специфически женском стиле управления в мире правил мужской игры несколько преждевременно.

При изучении социального расслоения, восходящей и нисходящей мобильности социополовой аспект анализируется редко [13]. Анализ категории нашедших новое место работы после увольнения в 1992 г. свидетельствует, что социально статусные позиции устроившихся на новую работу мужчин и женщин остаются неизменными, хотя в целом доля групп с низким статусом возросла за счет высоко-статусных [2, с. 138]. При изучении положения на рынке труда чаще всего выделяется категория одиноких матерей, и с детьми младшего школьного возраста, причем большинство с высшим образованием, как наименее адаптированных к возрастающим требованиям рынка труда [7, 15]. В исследовании в Н. Новгороде в 1993 г. выявлена одна из неблагополучных групп, в которую в основном входят женщины, возглавляющие неполные семьи (внебрачные, разведенные, вдовы), причем нисходящая мобильность чаще присуща женщинам-дипломированным специалистам [13, с. 300]. В небольшом исследовании, проведенном в Иркутске, установлено, что женщин, неудовлетворенных своим социальным статусом больше, чем мужчин (но эти данные не соотносятся с реальными показателями статуса), женщины реже относят себя к высшему слою, но чаще к среднему, чем к низшему [4, с. 65]. В то же время в целом по России для определенной группы женщин - специалистов гуманитарного и экономического профиля - развитие инфраструктуры рынка привело к улучшению статуса и дохода [15, с. 122]. Специального изучения роли женщин (в частности, жен) в движении по социальной лестнице мужчин (одна карьера на двоих) не проводилось.

МЕТОДЫ И ВЫБОРКА

Для проверки некоторых из вышеописанных гипотез использованы следующие эмпирические данные. Массив 6 волны (1995 г.) Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS), проводимого Университетом Северной Каролины в Чэпел Хилле (рук. Б. Попкин), Институтом социологии РАН (рук. П. М. Козырева и М. С. Косолапов), Paragon Research International (рук. Майкл Сваффорд). Репрезентативная выборка включала 4 тысячи домохозяйств, использован подмассив индивидуального интервьюирования взрослых членов семей – 3567 мужчин и 4649 женщин.

Кроме того, методом фокус группы была изучена ситуация на одном из предприятий пищевой отрасли и трех частных фирмах в г. Москве. Одно предприятие было случайным образом выбрано для изучения из списка предприятий пищевой промышленности г. Москвы, на которых используется преимущественно женский труд. Проведен анализ кадровой статистики и интервью с группой работниц одной смены. Отбор трех частных фирм осуществлялся по телефонному справочнику, по принципу - не менее половины сотрудников женщины.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для анализа представленности мужчин и женщин в социально-профессиональных группах (в отличие от их распределения по различным отраслям экономики, как это было принято в отечественной статистике) были использованы укрупненные категории профессий, выделенные исследователями в соответствии с международным стандартом (см. табл. 1). Данные свидетельствуют, что на высоком уровне управления удельный вес мужчин более, чем в два раза больше женщин, т.е. власть имеет явную гендерную специфику. В то же время 24.6% мужчин и 21,4% женщин ответили, что они имеют подчиненных по основному месту работы, причем у обоих полов этот показатель выше с возрастом и достигает максимума в группе 40-54 лет (соответственно 30.6% и 27.9 %). В этой же возрастной группе наиболее высокий удельный вес владельцев и совладельцев предприятий - 26.5% всех работающих мужчин и 21.9% женщин (средняя по всем возрастным группам 27.6% и 19.6%). Причем среди имеющих от 50 до 100% прибыли мужчин вдвое больше женщин (7.6% и 3.5%).

Можно также видеть, что среди профессионалов с высшим образованием пропорция обратная, в основном за счет учительниц и преподавателей в сфере среднего специального

и высшего образования. Также высок удельный вес женщин среди профессионалов со средним образованием, причем значительную их часть составляют бухгалтера и сотрудницы воспитательных учреждений. Мужчины составляют большинство ремесленников (которые в основном представлены автомеханиками, сборщиками, механиками по электричеству, сварщиками), а также промышленных рабочих (треть из которых водители грузовых машин). В сфере обслуживания женщины преимущественно продавцы, в том числе уличные, и повара. Женщин в два раза больше среди разнорабочих, в основном за счет уборщиц и неквалифицированных рабочих в сельском хозяйстве. Таким образом, сегрегация по полу в сфере профессий типична для недомодернизированного общества. Причем, эта сегрегация, отражая разделение труда в сложившихся экономических и культурных условиях, явление закономерное. Проблема состоит лишь в том, что значительная часть женщин-профессионалов работает в бюджетной сфере (образование, медицинское и социальное обслуживание), и, в условиях реализуемой в стране "модели рынка", крайне низко оплачиваемы, несмотря на высокий профессиональный уровень и качества труда. И хотя некоторые "женские профессии" стали более престижными и высокооплачиваемыми (в частности, в сфере финансов), в среднем разрыв в оплате труда увеличивается. Согласно данным исследования, из числа указавших зарплату по основному месту работы (а эта группа составила менее 40 %), основной доход мужчин существенно выше, нежели у женщин. В группе низкооплачиваемых - женщин в два раза больше мужчин, и, наоборот, в группе, получающих максимально высокую зарплату, 7.2% мужчин и 3.2% женщин.

Значительные различия существуют в ответах женщин и мужчин в отношении перспектив: 33.8% мужчин и только 19.4% женщин "полностью или скорее" уверены, что если их предприятие или организация закроется, они смогут найти работу "не хуже той, которую имеют сейчас". В какой мере эти различия обусловлены психологическими особенностями большей тревожности женщин, либо реальной дискриминацией по признаку пола на рынке труда (если интерпретировать эти данные исходя из феминистских теорий) судить сложно. Кроме того, представляется, что постоянное обозначение в прессе факта о безработице с "женским лицом" при отсутствии реальных мер по созданию рабочих мест может иметь эффект бумеранга. Формируется общественное мнение о неконкурентоспособности женщин, что может провоцировать потенциальных работодателей обращаться с ними как с наименее требовательным контингентом, а также сдерживать активность самих женщин в поиске подходящих и высокооплачиваемых рабочих мест. В действительности среди всех опрошенных 8.6%

мужчин и 5.8% женщин ответили, что они не работают и ищут работу, и еще 1.2% и 0.5% соответственно - временно не работают и не хотят работать.

В исследовании измерялись субъективные самооценки (идентификации) респондентов по ряду стратификационных показателей, представленных шкалами "бедность" - "богатство", "совсем бесправные" - "те, у кого большая власть", "люди, которых совсем не уважают" - "те, кого очень уважают". Эти данные были классифицированы по полу и возрастной группе опрошенных и представлены в таблицах № 2, 3, 4. В принципе, учитывая, что выборка репрезентативна для Российской Федерации, имело бы смысл рассмотреть этничность как один из стратификационных параметров, но поскольку большинство мужчин (83%) и женщин (81.2%) считают себя русскими, из статистических соображений это не целесообразно. Как видно из таблицы 2, различия по полу практически несущественны при соотнесении респондентов по шкале "бедности - богатства". Больше, пожалуй, впечатляет ничтожный процент "богатых" (крайнюю позицию выбрали около 0.1%), факт достаточно известный, и высокий удельный вес расположивших себя в среднем континууме шкалы, что несколько противоречит выводам о характере социальной пирамиды. Отсутствие значительных половых различий в какой-то мере может служить косвенным доказательством гипотезы асимметрии. Учитывая наличие гендерного типа сегрегации в сфере занятости (и соответственно более низкие доходы женщин, причем наличие дополнительной работы отметили незначительное число мужчин и женщин), интерпретировать эти данные можно, либо опираясь на "семейную идентификацию" в случае состоящих в браке, либо на разные социополовые критерии при таком соотнесении, т.е. разные притязания женщин и мужчин, которые ориентируются на доходы в пределах собственного пола.

Анализ половозрастной специфики свидетельствует, что чем старше возрастная группа, тем несколько ниже ее положение на шкале. Наиболее благополучно ощущают себя молодые мужчины и женщины включительно 24 года, в худшем положении женщины-пенсионерки. Сходная закономерность наблюдается и в отношении самооценки респондентов по шкале "совсем бесправные - имеющие большую власть" (см. табл. N3) - ощущение бесправия постепенно возрастает от младшей возрастной группы к самой старшей, несмотря на то, что в старших возрастных группах, как среди женщин, так и среди мужчин, выше доля, выполняющих функции руководителей. Главная особенность состоит в том, что независимо от пола и возраста все респонденты ощущают себя еще в большей мере бесправными, нежели нищими.

Несколько иная картина в отношении "уважения со стороны окружающих" (см. табл. N 4). Относительно невысок удельный вес тех, кто считает себя не пользующимися уважением окружающих (всего 11.9%), причем значимых социополовых различий опять же не наблюдается. Вероятно, в российских социокультурных условиях среди представителей среднего и старшего поколений богатство, власть, с одной стороны, и уважение, с другой, пока жестко не связаны. Кроме того, уважение к старшим, является одним из социокультурных нормативов, что вероятно сказывается в специфике самоотношения различных поколений.

Как интерпретировать отсутствие социополовых различий в идентификации по шкалам власти и уважения? Феминистские теории предполагают наличие гендерных отношений, т.е. зависимое, подчиненное положение женщин в сфере власти и ресурсов. По крайней мере, данные анализируемого исследования не позволяют сделать такой вывод, основываясь на субъективных ощущениях респонденток. Возможно, конечно, сами российские женщины являются носителями стереотипов и, соответственно, не рефлексируют сложившиеся отношения как патриархатные и гендерные. Унифицированная методика для обоих полов не позволяет в полной мере ответить на этот вопрос.

В дополнение анализа данных репрезентативного опроса, была более глубоко проанализирована ситуация на нескольких московских предприятиях. Одно из них – предприятие пищевой промышленности, где широко используется женский труд, мужчины заняты в основном техническим обслуживанием. Основной контингент работающих женщин - из области или принятых по лимиту. Структура управления, характерная для советского периода, осталась неизменной - начальницы смен и заведующая производством (одна из заместителей директора) - женщины. Директор предприятия и два заместителя - мужчины. Имущественное расслоение происходит по принципу директор и администрация завода, с одной стороны, и основная масса работающих, с другой. В первой группе ориентировочно соотношение мужчин и женщин одинаково, в последнюю группу входит несколько больше женщин, чем мужчин, пропорционально половому составу занятых на предприятии. По мнению работниц, такое разделение существовало и в советский период, когда дифференцировались не только непосредственные доходы, отражавшие должность и в какой-то мере реальную квалификацию, но распределение льгот и привилегий. В настоящее время, разрыв этот стал более глубоким и видимым, а механизмы обогащения заводской элиты несколько трансформировались - большие премии, покупка квартир, беспроцентные ссуды, выезды

за рубеж и т.д. Значительная масса работающих - люди зависимые, поскольку живут в общежитии и не имеют возможности сменить место работы в Москве. Поэтому плохие условия труда (основное оборудование довоенного уровня) и относительно невысокие зарплаты воспринимают как неизбежную участь. На вопрос "Почему директором не является женщина и что бы изменилось, если бы она управляла заводом?" - типичные мнения работниц: "мужчина-директор может больше добиться от вышестоящего начальства, у него больше связей", "женщинами лучше руководить мужчине, тогда меньше конфликтов", "смена пола директора" мало что изменит в их положении и стиле управления: главное "чтобы человек был хорошим", а это не связано с полом. Особенность формирования руководящего состава, по мнению работниц - дружеско-родственные связи, а не только профессиональные качества, поэтому не исключается, что женщина может быть допущена к управлению, если у нее будет соответствующая протекция. Однако начавшаяся модернизация может существенно повысить прибыль производства, что, как показывает опыт других предприятий, обычно сопровождается и сменой высшего руководства "силовыми методами". Поэтому "естественный приход" женщины-профессионала на директорское место практически исключен.

Особенность частных фирм - правая рука мужчины руководителя - женщина. В двух из них она совмещает функции заместителя и бухгалтера, в третьей является только бухгалтером. Можно считать этот стиль управления некоторым отражением ситуации в российских семьях – фактически женщины имеют достаточно власти, но не всегда считают целесообразным ее демонстрировать. Неформализованные интервью проводились только с женщинами. Характерно, что они едины во мнении, что сложившаяся структура управления является оптимальной, и их роли по отношению к руководителям являются взаимодополнительными. Все они считают, что имеют большое влияние на предприятиях-фирмах, и участвуют в принятии важнейших решений. Женщины заместители и не хотели бы стать руководителями, в частности, из-за нежелания взаимодействовать с криминальными структурами, а также из-за нежелания нести ответственность в условиях «неписаных» правил игры на неокрепшем российском рынке.

ВЫВОДЫ

Исходя из сравнения объективного положения женщин в статусно-профессиональной структуре и их субъективной оценки своего места в социальной иерархии можно косвенно судить о том, что часть из них идентифицирует свою статусную

позицию, исходя из статуса семьи, в частности, мужа (что не исключает в ряде случаев и обратной зависимости).

В период первичного (и вторичного) перераспределения собственности возможности женщин в занятии властных и руководящих позиций ограничены. Одна из причин - необходимость взаимодействия с криминальными структурами, часто криминальный характер самого бизнеса, использование силовых методов. В то же время на среднем уровне иерархии многие женщины достаточно успешно справляются с функцией управления. Требуют дальнейшего изучения и объективные критерии социополовой стратификации, например, доля "женской" и "мужской" собственности, в частности, удельный вес женщин - владельцев недвижимости (например, квартир).

Судя по вторичному анализу литературы, дискриминация женщин на рынке труда – это преимущественно дискриминация по признаку родительских обязанностей, а не пола как такового. В то же время практически не артикулируется проблема ухода за престарелыми и больными членами семей, что также является преимущественно женской нагрузкой. Обсуждение этих вопросов, в том числе в СМИ, могло бы создать основу для выработки необходимых мер социальной политики, более интенсивного развития сферы социальных услуг. По мнению ряда западных ученых, даже в постиндустриальных обществах, по сути одни женщины помогают другим на макроуровне. Наличие социальных служб, которые берут на себя выполнение традиционно семейных функций, что, само по себе, не исключает широкой пропаганды справедливого распределения семейных, в том числе родительских, обязанностей между женщинами и мужчинами, могло бы способствовать как увеличению числа рабочих мест для одних женщин, так и более интенсивному социальному продвижению, в том числе на руководящий уровень, других.

Возрастной критерий субъективной идентификации по различным стратификационным шкалам является более значимым, нежели половой. Причем молодое поколение ощущает себя несколько «более богатым» и «менее бесправным» в сравнении со старшим поколением. Это обстоятельство в какой-то мере служит подтверждением того факта, что в период резких социальных трансформаций «признаки» классического патриархата будь-то возрастная или гендерная стратификация становятся неоднозначными и размытыми. Однако объективные показатели этих закономерностей нуждаются в дальнейшем изучении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабаева Л. В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М. Российский общественный научный фонд. Научные доклады. 1996.
2. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность. Социологический журнал. 1994. N1.
3. Женщины и мужчины в России. М. Госкомстат. 1998.
4. Игитханян Е., Мешкова Е., Растегаева Н. Роль женщин в формировании социальной структуры современного российского общества // Женщины России - вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Э. Б. Ершова. М.: Россия молодая, 1994.
5. Изменение положения женщины и семья. // Отв. ред. А. Г. Харчев. М.: Наука, 1977.
6. Марченко Т. А. Женщины в новой элите России. // Социальная трансформация российского общества / Е. М. Аврамова. М.: ИСЭПН РАН, 1995.
7. Положение женщин в реформируемой экономике. // Ред. доклада А. А. Московская. М.: ИЭ РАН, 1995.
8. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М. Наука, 1995.
9. Ржаницына Л. С., Сергеева Г. П. Женщины на российском рынке труда. // Социологические исследования. 1995. N 7.
10. Семья в Российской Федерации. М.: Госкомстат России. 1994.
11. Социальная структура и социальная стратификация. Отв. ред. Е.Д. Игитханян. М.: Институт социологии РАН, 1992.

12. Социально-экономическое развитие России в 1995г. (По материалам аналитического обзора Института экономических проблем переходного периода.// Мир России. Социология. Этнология. Культурология. 1994. №2.
13. Трансформация социальной структуры и стратификации российского общества. Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РосАН, 1996.
14. Шкаратан М.Ю. Феномен предпринимателя: интерпретация понятий. // Мир России. Социология. Этнология. Культурология. 1994. №2.
15. Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда.// Мир России. Социология. Этнология. Культурология. 1996. №1.
16. Hiller D.V., Philliber W.W. The Derivation of Status Benefits from Occupational Attainments of Working Wives. Journal of Marriage and the Family. 1978, N40.
17. Marshall G., Roberts St., Burgoyne C., Swift A. and Routh D. Class, Gender, and Asymmetry Hypothesis.// European Sociological Review. N1. 1995.

ТАБЛИЦА 1

Распределение работающих мужчин и женщин по профессиональным категориям (основная работа), %

Профессиональные категории	мужчины N=2260	женщины N=2309
1. Крупные чиновники, управляющие, директора	7.3	2.8
2. Профессионалы с высшим образованием	9.0	20.2
3. Профессионалы со средним образованием	7.3	23.5
4. Служащие	1.5	12.3
5. Работники сферы обслуживания	5.6	11.0
6. Квалифицированные рабочие в сельском хозяйстве и рыбной промышленности	0.8	-
7. Ремесленники	28.5	5.4
8. Промышленные рабочие	30.5	7.1
9. Разнорабочие	8.9	17.0
10. Военные	0.0	0.0
Нет ответа	0.5	0.7
ВСЕГО	100	100

ТАБЛИЦА 2

**Поло-возрастные особенности самосоотнесения респондентов по
шкале "нищие - богатые ", %**

		Низшая ступень	Средняя ступень	Высшая ступень	Нет ответа
Возрастная группа (лет)	Пол	1- 3	4 - 6	7 - 9	
<hr/>					
до 24	N= 1301				
	мужчины	39.4	54.8	2.4	3.4
	женщины	39.4	55.7	3.0	1.9
<hr/>					
25-39	N=2326				
	мужчины	48.0	47.8	2.6	1.6
	женщины	49.3	47.9	1.6	1.2
<hr/>					
40-54	N=1954				
	мужчины	52.1	45.3	1.2	1.4
	женщины	54.6	42.5	1.3	1.6
<hr/>					
55 и старше	N= 2635				
	мужчины	58.2	38.6	1.3	1.9
	женщины	65.0	30.3	0.9	3.8
<hr/>					
ВСЕГО					
	мужчины N=3567	50.2	46.0	1.9	2.0
	женщины N=4649	54.8	41.4	1.5	2.

* Здесь и далее возраст подсчитывался по году рождения на момент исследования т.е.1995 г.

ТАБЛИЦА 3

Поло-возрастные особенности самосоотнесения респондентов по шкале "бесправные - обладающие большой властью", %

		Низшая ступень	Средняя ступень	Высшая ступень	Нет ответа
Возрастная группа (лет)	Пол	1- 3	4 - 6	7 - 9	
до 24 N= 1301					
	мужчины	52.1	40.9	3.2	3.8
	женщины	54.8	38.7	3.1	3.4
25-39 N=2326					
	мужчины	59.5	34.8	2.8	2.9
	женщины	63.6	32.5	1.7	2.2
40-54 N=1954					
	мужчины	66.3	30.1	1.3	2.3
	женщины	68.4	27.3	1.5	2.8
55 и старше N= 2635					
	мужчины	71.0	24.5	1.2	3.3
	женщины	74.6	18.7	0.9	5.8
ВСЕГО					
	мужчины N=3567	62.9	32.0	2.1	3.0
	женщины N=4649	67.4	27.2	1.6	3.8

ТАБЛИЦА 4

Поло-возрастные особенности самосоотнесения респондентов по шкале "люди, которых совсем не уважают - люди, которых очень уважают", %

		Низшая ступень	Средняя ступень	Высшая ступень	Нет ответа
Возрастная группа (лет)	Пол	1- 3	4 - 6	7 - 9	
<hr/>					
до 24	N= 1301				
	мужчины	10.0	55.5	28.9	5.6
	женщины	7.9	56.1	30.1	5.9
<hr/>					
25-39	N=2326				
	мужчины	10.5	52.7	32.6	4.2
	женщины	9.2	55.8	31.2	3.8
<hr/>					
40-54	N=1954				
	мужчины	13.4	54.1	27.7	4.8
	женщины	10.3	52.5	32.5	4.7
<hr/>					
55 и старше	N= 2635				
	мужчины	14.3	50.5	30.4	4.8
	женщины	15.9	48.6	28.3	7.2
<hr/>					
ВСЕГО					
	мужчины N=3567	12.1	53.0	30.1	4.8
	женщины N=4649	11.7	52.5	30.2	5.6